

ЗА ПОСЛЕДНЕЕ время программы Ленинградской филармонии значительно расширились. Назовем прежде всего абонементный цикл из произведений Д. Шостаковича. Уже прозвучали «Иван Грозный» С. Прокофьева, «Поэтерия» и Третий фортепианный концерт Р. Шедрина, Третья симфония Т. Хренникова. Обогатился и раздел репертуара, посвященный сравнительно редко исполняющимся шедеврам русской и мировой классики: в него вошли музыка П. Чайковского к «Снегурочке», кантата С. Танеева «По прочтении псалма», величайшее творение И. Баха «Страсти по Матфею».

К числу значительных надо отнести и программы Шарля Брюка, включавшие произведения французских композиторов XX века, в том числе К. Дебюсси («Игры»), А. Русселя и других. Благодаря замечательному дирижеру ленинградцы первыми в нашей стране познакомились с оперой итальянского композитора Л. Даллапиккола «Узник». Несомненно, после «Воццека» на Западе не появлялось произведение такой глубины и мощи.

«Узник» — одноактная драма, вернее последний акт трагедии. Хотя композитор строит музыку на додекафонной основе, он не порывает связей с классической традицией (Верди, Пуччини) и искусством великих контрапунктистов. Сочетание четырех и пятиголосного хора как бы воссоздает манеру венецианских мастеров XVI—XVII веков. Однако Л. Даллапиккола менее всего стремился к стилизации. Раздвигая рамки «камерной» оперы, он хотел придать теме страданий и мук Узника общечеловеческий обобщающий смысл характерный для «страстей» и реквиема.

События оперы отнесены автором к XVI веку, но все же идейно-образное содержание говорит о страданиях народов под ярмом фашизма. «Узник» — произведение очень своеобразное и сложное по музыкальному языку. С сочинениями такого рода ленинградским музыкантам в последние годы встречаться не приходилось. Предстояло осуществить задачу, о которой как-то сказал Станиславский: «Сделать сложное — привычным, привычное — легким,

ВДУМЧИВЫЙ ХУДОЖНИК

НА СЦЕНЕ —
ГОСТИ

легкое — прекрасным». Достигнуть такого результата мог только вдохновенный труд и талант выдающегося дирижера Шарля Брюка и первоклассного коллектива. Опыт исполнения сложнейшей партитуры показал, что для заслуженного коллектива республики Академического симфонического оркестра Ленинградской филармонии, как и для Академической капеллы имени М. И. Глинки, не существует непреодолимых трудностей.

Шарль Брюк вложил в интерпретацию «Узника» весь свой яркий талант, ум, темперамент и горячую любовь к великому произведению покойного друга. Исполнение покоряло продуманностью концепции, высоким и напряженным драматизмом, острой контрастов, мощным накалом страстей. Дирижер блестятельно опроверг домыслы некоторых зарубежных музыковедов будто бы в основе оперы лежит экзистенциали-

стская тема «страха смерти». В полном согласии с автором Брюк показал, что центральной идеей «Узника» является пламенный порыв к свободе, страстная ненависть к палачу народов — фашизму.

Самых высоких похвал заслуживает исполнение оркестра и капеллы. Хоровая партия в «Узнике» имеет не меньшее значение, нежели оркестровая. Нельзя не отметить заслуги художественного руководителя капеллы В. Чернушенко, понявшего

безаметными: сложное стало прекрасным.

Во втором отделении концерта были исполнены произведения К. Дебюсси и М. Равеля. Шарль Брюк — несравненный интерпретатор их творчества. Он открыл нам новое в столь хорошо, казалось, знакомых партитурах «Ноктюрнов» и второй сюиты «Дафниса и Хлои». Это относится в равной мере к мерцающей таинственности «Облаков», ослепительной торжественности «Празднеств» и

своеобразие хорового письма Даллапиккола.

С высоким чувством стиля, со сдержанным драматизмом исполнила партию Матери артистка Н. Юренева. Правдиво передал А. Володось сложный сплав мыслей и чувств Узника, его мужество и слабость, надежду на спасение и отчаяние, ненависть к тирану и порабителю его родины. Столь же успешно справился он и с немалыми чисто вокальными трудностями партии. Исполнение двуединой роли Великого Инквизитора — Тюремщика — значительная художественная удача А. Манухова. Артист мастерски передал двуличие, лицемерие палача и провокатора, нашел убедительные краски для выражения вкрадчивой елейности его речей.

В целом исполнение «Узника» — значительная победа дирижера и всех участников. Трудности, которые им пришлось преодолеть, оказались

завораживающему зову «Сирен» («Ноктюрны»).

Нежными, зыбкими и ослепительными красками засветилась в передаче дирижера и оркестра сюита Равеля. Особенно богато новыми и оправданными темпами и тонкими оттенками «Утро» сдвинуто расцветающей, как благоуханный цветок, темой любви и полная дикой, необузданной силы и буйства жизни — вакханалия. Успех дирижера и оркестра в исполнении финала сюиты разделила и хоровая капелла.

Концерт Шарля Брюка был настоящим художественным событием. Французский дирижер не только познакомил нас с неизвестным доколе произведением, но и показал, как много неизведанных глубин таится под внешней оболочкой будто бы хорошо знакомых сочинений.

А. ГОЗЕНПУД,
доктор филологических наук, профессор

и Вег Ленинград 1976, 2 фев.